

Паутина смерти 2

Александра Белыева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Паутина смерти

Александра Беляева

Паутина смерти 2

«Автор»

2026

Беляева А.

Паутина смерти 2 / А. Беляева — «Автор», 2026 — (Паутина смерти)

Лондон тонет в дожде, а Мая Рей — в собственной пустоте. В двадцать один год она уже не верит ни в будущее, ни в людей, ни в себя. Мир вокруг кажется фальшивым спектаклем, где ей отведена роль сломанной куклы, которую пытаются «починить». Но когда смерть наконец приходит — она не приносит тишины. Мая открывает глаза и возвращается в тот же момент, за тот же стол, в ту же жизнь. Снова и снова. Как будто сама реальность даёт сбой. Где-то за пределами её понимания существует Библиотека — место, где хранятся судьбы, ошибки и стёртые жизни. И тот, кто уверен, что Мая давно уничтожена начинает чувствовать невозможное. Система не ошибается. Но если это всё-таки ошибка — кто её исправит? И что произойдёт, если «сломанная» душа откажется исчезать?

© Беляева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ошибка404: Душа не найдена	5
Глава2. Системная ошибка	7
Глава 3. Вкус имбиря на губах Вечности	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александра Беляева

Паутина смерти 2

Глава 1. Ошибка404: Душа не найдена

Дождь за окном барабанил по асфальту, размазывая огни фонарей в грязные, маслянистые пятна. Внутри кафе было душно и пахло подгоревшим кофе и одиночеством. Идеальный фон для её личного дерьма.

За столиком в самом тёмном углу, вмывшись в стену как нежеланное пятно, сидела девушка. Двадцать один год на бумаге, но в глазах — тяжёлый, неподъёмный груз, который носят столетиями. Волосы цвета промокшего пепла и дорожной пыли были собраны в небрежный пучок, словно ей было плевать даже на это. Одна прядь, неестественно серебристая на кончиках, выбивалась и падала на развернутую страницу, мешая писать. Она не отбрасывала её назад.

Её пальцы, тонкие и до белизны в костяшках сжатые, водили ручкой не просто яростно — с какой-то обречённой, саморазрушительной точностью. Чёрные, будто покрашенные лаком ногти (такими они были с самого рождения, к ужасу её матери) контрастировали с бледностью кожи. Казалось, она не пишет, а выцарапывает ругательство на собственной надгробной плите.

Дневник Маи Рей. Запись от..... да какая разница, всё равно каждый день - это клон предыдущего.

Дорогой дневник. Точнее, единственный ебучий собеседник в этом городе говна и тоски.

Сегодня был не просто дерьмовый день. Он был эталонным, классическим образцом полного, беспросветного говна. Моя дорогущая мамочка, видимо, решила, что в двадцать один жизнь должна быть сказкой, и устроила мне сюрприз. В виде мужика.

Не просто мужика. А пафосного ублюдка в пиджаке дорожке моей годовой аренды, с лицом выхолощенного кота и улыбкой пластикового хирурга. Говорил со мной так, будто я экспонат на аукционе, а он оценивает степень моей поломки перед покупкой. «Хрупкая», сказал он. Хотела ткнуть его вилкой в глаз, проверить, насколько он нехрупкий. Но мама смотрела таким взглядом таким, от которого внутри всё сжимается в ледяной ком. В её глазах я уже была в белом платье и с идиотской улыбкой. Так что я просто молчала. А внутри закипал такой концентрированный сарказм, что, кажется, ещё чуть-чуть — и я начну плевать кислотой.

Она закончила предложение с таким нажимом, что ручка оставила на бумаге маленькую, злую дырочку. Подняла взгляд.

Её глаза, широкие и миндалевидные, с припухшими, невыспавшимися веками, были цвета грозовой тучи — зелёные, но с густым, свинцовым подтоном. Взгляд — прямой, цепкий, пронизывающий. Взгляд, который видел бы всю подноготную мира, если бы ей было не так плевать. Прямо сейчас он был абсолютно пустым, направленным в никуда, но в его глубине копилась ядовитая гроза, готовая обрушиться на первого, кто посмеет прервать её уединение.

Завтра опять этот идиот-психолог будет капать на мозги. Спрашивать про «травмы» и «принятие». Наверное, тоже по протекции мамочки. Мир сошёл с ума, решив, что меня можно «починить» к моему же совершеннолетию. Меня не починить. Меня можно только стереть в порошок и выбросить на свалку. И, знаешь, дневник, я всё чаще думаю, что это был бы неплохой вариант. В двадцать один год обычно строят планы. А я строю козью морду своей терапевтке. Кажется, я выигрываю.

Она с силой захлопнула тетрадь, словно захоранивая в ней свои двадцать один год тоски. Резко поднялась, сунула дневник в потрёпанную кожаную сумку. Не взглянув больше ни на

кого, она направилась к выходу, движимая слепой, яростной тоской, которая застила глаза и не давала видеть ничего вокруг.

Мысль, навязчивая и единственно ясная, стучала в висках в такт дождю: Завтра. Опять этот психолог. Опять эти взгляды. Опять всё это

Она толкнула дверь и вышла под холодные струи дождя, не застегивая пальто. Не услышала визга тормозов. Не увидела света фар, расплывающихся в мокрой мгле.

Успела подумать лишь одно: Ну наконец-то. Тишина.

Оглушительный удар. Боль. И снова — тьма.

Тишина.

Глава 2. Системная ошибка

Сознание вернулось не плавным всплытием из глубины, а резким, грубым щелчком включения, от которого вздрогнуло всё её существо. Как будто её душу, уже отключенную от сети, подготовленную к утилизации, грубо вставили обратно в розетку, не спросив разрешения, и ударили током по всем контурам сразу.

Мая Рей сделала резкий, свистящий вдох. Воздух вошёл в лёгкие обжигающим, колючим комом, от которого кольнуло в уже успевшем забыть о боли теле. Она сидела за тем же столиком в проклятом углу кафе. Перед ней стояла та же чашка с остывшим, покрывшимся мутной плёнкой кофе. В её пальцах замерла та же ручка над развёрнутой страницей дневника, на том же самом незаконченном слове.

Она моргнула. Раз. Другой. В голове стоял навязчивый, низкочастотный гул, похожий на отзвук далёкого взрыва, эхо от которого застряло в костях и теперь вибрировало где-то глубоко внутри, в самом центре, где должно быть сердце. Сердце бешено колотилось, выпрыгивая из груди, словно только что избежало неминуемой гибели и теперь не могло поверить в своё спасение.

«Что это, чёрт возьми, было?» — мысль пришла чужая, испуганная, не её. — *«Словно... меня переехал грёбаный грузовик. В прямом смысле. По частям. И собрал обратно.»*

Она тряхнула головой, и странное, жуткое ощущение тут же ослабело, отступило, стянулось в тугую комок где-то в затылке, как ночной кошмар, который прячется по углам при включённом свете. Но на его месте не осталось привычной пустоты — её заполнила знакомая, привычная, родная до оскомины давящая гиря тоски и раздражения. Тяжёлая, как ртуть. Взгляд упал на дневник. Он был заполнен ровно до того места, где она остановилась пару мгновений... или пару жизней назад.

«...Хотела взять сахарницу и разбить её о его идеально выбритую челюсть».

Почерк — её.

Момент — выпал в осадок.

«Я умерла.» — мысль возникла спокойно, констатируя факт.

«Меня сбила машина. Точно сбила. Я слышала хруст своих рёбер. Я чувствовала, как гасну.» — уточнила она внутри, перебирая воспоминания, как чётки.

Она коснулась рёбер сквозь тонкую ткань футболки. Надавила. Целые. Ни боли, ни синяка. Только под пальцами бешено колотится сердце, отсчитывая секунды чужой, украденной жизни.

«Похоже, мой мозг окончательно сжжёт все предохранители от этого бесконечного дерьма и устроил маленький, показательный бунт с галлюцинациями», — мысленно фыркнула она, с силой сжимая ручку, будто желая переломить её пополам. — *«Привет, нервный срыв, давно не виделась. Надеюсь, ты пришёл ненадолго, а не собираешься прописаться и жить на диване».*

Она с яростью, почти физической ненавистью к этому дню, к этому кафе, к этому фантомному грузовику, дописала фразу, выжимая из себя слова, как яд из прокушенной ампулы. Закончила. С силой, с окончательным приговором, захлопнула дневник — звук получился глухой, будто прихлопнули что-то живое, но ещё трепыхающееся.

На секунду ей показалось, что воздух в кафе стал плотнее. Мужчина в тёмном пальто, стоящий у стойки и листавший газету, замер. Он не обернулся, но его поза изменилась. В ней появилось нечто, похожее на... ожидание. Слушание.

«Вы слышите меня?» — подумала она резко, специально, вкладывая в мысль всю силу, на которую была способна.

Мужчина у стойки едва заметно повёл плечом. Дёрнул уголком губ. И медленно, слишком медленно, как в замедленной съёмке, перевернул страницу газеты. Отвернулся. Слишком быстро. Слишком демонстративно.

По спине пробежал ледяной паук. Мелкими, колючими лапками.

«Показалось», — приказала она себе, но приказ не сработал. Где-то в глубине затылка комок страха дёрнулся, оживая.

Она резко поднялась, чуть не опрокинув стул, и вышла из кафе, не глядя по сторонам, не видя озадаченного, чуть испуганного взгляда бармена, который проводил её взглядом до самой двери и перекрестился, когда стекло захлопнулось.

На улице по-прежнему моросил холодный, пронизывающий до костей дождь. Она натянула капюшон, превратившись в сторбленный, безликий, промокший до нитки силуэт, и побрела по знакомому, унылому, размытому маршруту, мысленно проклиная всё на свете: погоду, мамино ухажёра с глазами-бутылками, необходимость завтра идти к психологу, нервный срыв, который выбрал для дебюта такое неудачное время, всю свою несостоявшуюся, проклятую, бессмысленную, дважды за час несостоявшуюся жизнь.

«Интересно, если я сейчас поскользнусь на этой вот разбитой плитке, упаду и сверну шею прямо здесь, это будет иронично или до банального глупо?» — саркастично подумала она, переступая лужу, в которой отражался серый, безнадежный лондонский небосвод. — «Для полного сюрприза не хватает только грузовика. Чтобы наверняка».

Она не заметила, как на соседней улице, за углом, заглох, чихнул чёрным, едким дымом и снова завёлся двигатель старого, проржавевшего насквозь грузовика. Не увидела, как уставший, промокший до нитки водитель с лицом человека, который давно уже не ждёт от жизни ничего хорошего, вышел, с силой, с матом, пнул крышку и, громко, в голос матерясь, полез обратно в кабину.

Она просто переходила дорогу. На светофоре горел зелёный для пешеходов. Горел честно, не мигая. Она шла, уткнувшись в потухший экран телефона, даже не пытаясь его включить, просто пытаясь заглушить внутренний вой пустоты внешней, холодной, промозглой тишиной.

Визг тормозов на этот раз был оглушительно реален. Резкий, визгливый, беспомощный. Она подняла голову. Фары. Два слепящих, немигающих глаза, расплывающихся в водяной взвеси. Грузовик несло на неё юзом, по мокрой дороге, прямо на пешеходный переход.

«Если это повтор — он должен совпасть. Точно. Машина. Удар. Темнота. Тишина». — мысль пришла чёткая, как команда.

Она не отступила. Не рванула в сторону. Стояла и смотрела прямо в эти белые, слепящие глаза приближающейся смерти. Внутри — странная, мёртвая пустота. Даже страха не было. Только холодное, профессиональное любопытство: работает или нет?

«Ну давай. Ещё дубль. Может, в этот раз прокатит». — подумала она с маниакальной, пугающей ясностью.

Удар.

Но в этот раз что-то пошло не так. Не было ощущения завершённости. Не было тишины. Была только дикая, разрывающая на части боль. И паника. Холодная, липкая, всепоглощающая.

«А если это бесконечно?» — мысль вспыхнула и погасла в агонии.

«А если я застряла в этом дне? В этом моменте? Как сломанная пластинка?»

«Я не хочу.» — внутри что-то впервые дрогнуло. Не сарказм, не злость. Что-то другое, первобытное, детское, отчаянное. — «Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ».

Адская, рвущая на куски агония. А потом — стремительное, неудержимое падение в глубокий, холодный, беззвучный колодец, где нет ни света, ни звука, ни времени. Только ничто. Но это ничто теперь было не облегчением, а пыткой. Бесконечным, вязким ужасом вечности.

Глава 3. Вкус имбиря на губах Вечности

Воздух в Библиотеке был неподвижным и густым, как всегда, пропитанным запахом вековой пыли, старой бумаги и вечного, холодного ожидания. Леон переставлял массивные фолианты на верхней полке бесконечного стеллажа. Его движения были отточены тысячами — плавные, экономные, бездушные, как у хорошо смазанного механизма.

Вдруг его длинные, изящные пальцы дрогнули. Том в переплёте из человеческой кожи, цвета запёкшейся крови, едва не выскользнул из рук. Леон замер, затаив дыхание, прислушиваясь не к внешнему миру — к тому, что происходило внутри. К едва уловимой, невозможной вибрации на самом дне его вечного, ледяного существа. К дрожи, которая была ему до боли, до сумасшествия, до ломоты в костях знакома.

«Нет», — мысль пришла ледяная, отрицающая саму себя.

Он резко обернулся, и его взгляд, цвета зимнего предрассветного неба, метнулся вглубь бесконечных, уходящих в сумрак рядов стеллажей, в сырую, непроглядную мглу между мирами, откуда не должно было доноситься ничего, кроме вечного шелеста страниц.

— Леон? — раздался спокойный, безжизненный, как скрип сухих ветвей в мёрзлом ледяном лесу, голос.

Хронос возник из ниоткуда, как всегда. Его бездонные, пустые глаза, в которых не отражался даже свет вечности, были устремлены в пустоту, но видели всё, до последней пылинки.

— Что-то нарушило покой?

— Нет. — Слишком быстро. Слишком резко. Леон с усилием, видимым даже для бесстрастного Хроноса, вернул лицу привычную, отполированную веками ледяную маску. Его собственный голос прозвучал глухо, будто доносясь из глубокой, ледяной пещеры, где эхо умирает, не родившись. — Просто... померещилось. От долгого бдения. Пыль столетий забивается в сознание, создаёт миражи.

Хронос медленно, почти механически кивнул. Его взгляд скользнул по идеальным, бесконечным рядам корешков, сканируя реальность на предмет малейшей флуктуации, малейшего сбоя в безупречном, выверенном до наносекунды порядке.

— Отдых ещё никому не вредил, Хранитель. Даже таким, как мы. Порядок должен поддерживаться с ясной головой и абсолютно холодным сердцем. Ты позволил эмоциям... задержаться.

— Я в порядке, — отрезал Леон, сжимая пальцы на корешке книги так, что побелели костяшки, а старая кожа жалобно скрипнула.

Он чувствовал это снова. Мимолётное, как укол ледяной иглой прямо в то место, где у людей бьётся сердце, а у него теперь только пустота и эхо. Яркий, обжигающий, до слёз знакомый вкус. Имбирь и мёд. Сладкий и горький одновременно. Терпкий, тёплый, живой. Пряник. Тот самый, что она любила. Тот самый, которым она его однажды угостила, разломив на двоих, в другой жизни, в другом времени, которое он стёр собственной рукой.

Он сглотнул ком ледяного песка, вставший поперёк горла, и с силой, почти до боли, провёл тыльной стороной ладони по губам, пытаясь стереть навязчивое, невозможное, издевательское ощущение.

«Показалось», — с железной, отчаянной уверенностью, граничащей с молитвой, повторил он сам себе, когда Хронос бесшумно, как призрак, растворился в тенях между стеллажами. «Её нет. Её не может быть. Система не ошибается. Она совершенна».

Он был абсолютно уверен. Она была стёрта. Уничтожена начисто. Растворена в небытии без следа и осадка. Окончательно и бесповоротно. Её больше не существовало ни в одной из бесчисленных реальностей, ни в одной из миллиардов ветвей времени.

Где-то в самом дальнем, заброшенном углу Библиотеки, в секторе «Нереализованные Возможности и Хронологический Брак», на самой верхней, забытой пыльной полке, куда не заглядывали несколько тысячелетий, стоял тонкий, ничем не примечательный том. Тёмно-синий, почти чёрный переплёт, выцветший от времени. Ни названия, ни инвентарного номера, ни каких-либо опознавательных знаков. Просто книга-призрак.

И в тот самый миг. Словно на долю секунды её страницы стали прозрачными, и сквозь них проглянул ослепительный, яростный, ядовито-зелёный всполох. Вспышка чистой, концентрированной боли, сарказма и неукротимой, злой воли к существованию. А потом она снова стала обычной, пыльной, забытой книгой. Но пыль на её корешке лежала ровно на микроны тоньше, чем мгновение назад.

Леон снова почувствовал лёгкий, пьянящий и горький привкус на языке. Имбирь и мёд. Он сглотнул и с силой, будто стирая саму память, провёл ладонью по лицу, чувствуя под пальцами ледяную, неестественную гладкость своей бессмертной, мёртвой кожи.

«Показалось», — прошептал он в гробовую, давящую тишину архива одними губами и ушёл вглубь стеллажей, подальше от призраков, которые не могли и не должны были существовать в его реальности.

А в книге на дальней полке уже рождалась новая, никем не читанная, не учтённая, не пронумерованная главка. Всего одна строчка, проступившая на чистом листе невидимыми, ядовитыми чернилами, сотканными из ярости, отча

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.